

УДК 811.111 + 82-36

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОБЛЕМАТИКИ (И СУТИ) КОНЦЕПТА

О.А. Турбина

В содержание представленного к публикации доклада, прочитанного на 67-й научной конференции преподавателей ЮУрГУ, вошли материалы статьи автора «*Концепт* как объект лингвистической науки» [4]. Актуальность поднятой в докладе проблематики заключается в неточности и неоднозначности дефиниций терминов *понятие* и *концепт* в современных теоретических источниках по лингвистике и, как следствие, размытости представления о лингвистической природе *концепта*.

Ключевые слова: слово, концепт, понятие, концептуализация, категоризация, когнитивный процесс.

Обращаясь к изучению отношения *слово/концепт* мы фактически выходим на сложнейшую и древнейшую в истории философии и языковедческой науки проблему отношения *язык/мысль*. Это она легла в основу античного спора о правильности имен, оживленной средневековой дискуссии между номиналистами и реалистами или – спора об универсалиях, она породила универсальные грамматики нового времени, дала толчок развитию современной генеративной грамматики, аналитической философии, когнитивной лингвистики, логической семантики, систематики языка и речевой деятельности и т.д. И это в ней скрывается суть основного и вечного философского вопроса об отношении *материя/дух*.

Термин *концепт* появляется в трудах отечественных представителей когнитивного направления в лингвистике начиная с 90-х гг. прошлого столетия. Иными словами, до недавнего времени отечественная наука обходилась без него, оперируя термином *понятие*, который, собственно, является переводным от латинского *conceptus*, что подтверждают Философский словарь-1991 и Лингвистический энциклопедический словарь-1990, где термин *концепт* не упоминается. В западной науке этот термин до сих пор остается единственным.

Однако отечественная наука ощутила потребность обозначить явление смежное, но по некоторым признакам отличное от традиционно именуемого термином *понятие*. Наиболее распространено объяснение различий в значениях двух терминов тем, что *понятие* – высвечивает преимущественно общефилософский, а *концепт* – лингвистический аспект значения. При этом термин *концепт* определяется как «оперативная содержательная

единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*)» [2], как единица познания (см., например, работы А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина и других представителей когнитивного направления).

В чем же лингвистическая составляющая проблематики (и сути) *концепта*? Вопрос звучит все настойчивей, ибо в процитированных выше определениях она не высвечивается, либо просматривается очень застенчиво.

В большинстве случаев представители когнитивного направления утверждают, что изучение того или иного концепта возможно посредством анализа лексических единиц, которые реализуют его вербализацию, причем таких единиц, полагают они, может быть несколько. Таким образом «из наблюдения над употреблением единиц разных языков – их лексем и конструкций – составляется представление об общечеловеческих стандартах тех или иных концептов, лишь приблизительно соположимых в ментальности людей, говорящих на разных языках» [2].

Что это, как не реакция отечественной науки на многолетние советские оковы материализма и внезапное освобождение от них в начале 90-х прошлого столетия! Ведь это платоновский мир *идей* (в более поздних концепциях – *универсалий*) предстает перед нами в процитированном выше описании «мира концептов»; тот самый мир идей, который объективен и существует до вещей, а сами идеи, согласно гипотезе «правильности/неправильности имен», могут быть названы неправильными именами, что и порождает множество именованной одной и той же идеи. Это даже не аристотелевский мир *вторых сущностей* (представлений о *первых сущностях* – материальных объектах – в душе человека), что более органично вписывается в контекст современной науки, поскольку *идея* в устах Аристотеля это и *мысль*, и *язык*, и *слово* (=логос). Тождество в синонимичном ряду *идея=мысль=язык=слово* высвечивает лингвистический аспект человеческого (а не отвлеченного от человека, как у Платона) мышления, то есть природной и неразрывной связи между единицей мышления (сознания) и единицей языка [7]. Еще более внятно идея о неотъемлемой лингвистической составляющей в единице мысли (в *концепте*) звучит из уст основателя и ярчайшего представителя средневекового концептуализма Пьера Абеляра (1079–1142).

Согласно Абеляру, универсалии ни до, ни после вещей; они суть в вещах (*in rebus*), поскольку каждая единичная вещь принадлежит к тому или иному классу. Общие признаки вещей, определяющие их форму, могут быть объяты только мыслью, а посему общее может быть только в мышлении, причем в мышлении конкретного человека, а не вше его. Универсалии представлены в мышлении *концептами*, внешним аналогом которых являются *слова*. Сами концепты определяются как единицы или категории мышления, сложившиеся в результате опыта познания окружающей действ-

вительности [5]. Как не прислушаться, ведь сказано вполне достаточно даже для уровня современной науки, в особенности для того состояния, в котором пребывала зарождающаяся в начале 90-х гг. XX в. отечественная когнитивная лингвистика. Осталось расставить лишь некоторые акценты для того, чтобы вписать понятие *концепт* в современный контекст.

Условно «конечным» актом этого когнитивного процесса являются *концепт* в мысли и его «аналог» в языке – *слово*. Здесь верный тон в оценке отношений между *словом* как единицей языка и *концептом* как единицей мышления и сознания задает особое положение языка в ряду «материя-дух». Указывая на это особое положение, через девять веков после Пьера Абеляра великий русский философ А.Ф. Лосев писал, что в отношении «материя-дух» язык занимает промежуточное положение, ибо представляет «третий вид бытия» наряду с чисто духовным и чисто вещественным, или, как писал основатель систематики языка и речевой деятельности современник А.Ф. Лосева французский лингвист Г. Гийом (1883–1960), язык – это периферическая система фиксации мыслимого [1]. Двойственный характер языка проявляется в том, что его единицы одновременно и идеальны, и вещественны.

Когнитивный процесс в человеческой культуре задан не самой действительностью, а результатом ее преломления и интерпретации в сознании. Способом этой интерпретации и является язык, ибо он, как верно подметил Г. Гийом, по сути, представляет собой теорию, которую творит наш разум для объяснения внешнего мира, с одной стороны, и нашего представления о нем – с другой. Поэтому «всякий *языковой знак есть акт интерпретации* как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [3]. Иными словами, *слово* и замыкает, и открывает когнитивный акт, и что самое главное – в определенной степени управляет им, а язык кодирует наши знания о мире, и путь, по которому наш разум идет в самопознании, возможен только через анализ системы языка и его единиц.

Руководствуясь принципом системности, отметим, что язык, как периферическая система фиксации всего потенциально мыслимого, т.е. как подсистема в системе сознания, должен отражать принципы организации системы в целом. Иначе говоря, единицы мысли и единицы языка, равно как и операции языка и мысли, должны подчиняться общим законам, или, как говорил Г. Гийом, принципам. Следовательно, семиотичность языка должна определять *семиотичность* мысли (и/или ею определяться). **Это во-первых.** Очевидно, в этом кроется главная причина, по которой *концепт* привлек внимание лингвистов. Разумеется, если знак языка, по определению Ф. де Соссюра, «психичен», т.е. хранится в сознании, то *концепт* «психичен» вдвойне, поскольку хранится в сознании на более глубоком уровне. Его изучение представляет одну из актуальнейших задач современной науки, но в обход анализа системы языка ее решение невоз-

можно. Подчиняясь этой задаче, в современном языкознании и определилось когнитивное направление.

Г. Гийом точно подметил, что для того, чтобы быть оперативной, система языка, равно как и система концептуализации, должна отвечать принципу *простоты*. Это во-вторых. Принцип простоты опирается на гипотезу, что «базовые операции языка являются в основном операциями простыми, чрезвычайно простыми и немногочисленными», природу которых обеспечивают (и которыми обеспечиваются) возможности мышления, и именно эти основные операции «служат основами структуры языка» [1, 6]. Именно поэтому операции языка и мышления доступны даже самому простому, в том числе и необразованному человеку.

Принципы семиотичности и простоты определяют характер отношения между единицами языка и единицами мысли. Оно должно быть прямым и взаимозависимым, а именно – одному слову должен соответствовать один концепт и наоборот. Только в этом случае операции языка и мысли, равно как и вся система концептуализации, могут быть оперативными. Дело в том, что концепт, как и слово (знак языка), являет собой результат преобразования и сращения вербальных и невербальных смыслов. Так, эксперименты подтвердили, что восприятие звучащего слова активирует в коре мозга не только зону слуха и зону абстрактно-логической обработки, но и зоны, отвечающие за восприятие, распознавание и формирование чувственного образа обозначаемого данным словом предмета (зрительные, вкусовые, обонятельные, тактильные и пр.).

Следовательно, каждое свойство воспринимаемого предмета должно найти отражение в структуре языкового знака, и напротив – каждый элемент концептуальной семантической схемы и концептуальной структурной модели языкового знака должен быть в той или иной степени мотивирован реальными свойствами предмета. Разумеется, изначальная прямая мотивация может утрачиваться, но концептуализация понятия (представления об объекте или явлении действительности) и концептуализация слова (языкового знака, именующего, объясняющего и категоризирующего представление об объекте) невозможны вне этих взаимообусловленных отношений. Собственно *концепт* и есть результат их взаимонаправленного характера, в силу чего в его структуре должна быть и составляющая от понятия, и составляющая от языкового знака – то, что интуитивно чувствует каждый лингвист, и то, что ставит *концепт* в ряд объектов языковедческой науки.

Но это значит также и то, что один и тот же *концепт* – оперативная единица мысли – в пределах одного языка не может быть представлен несколькими словами, ибо мышление, также как и язык стремится к точности выражения на уровне представления, т.е. – на концептуальном уровне. Поэтому, подчиняясь логике когниции, приходится настаивать, что для явле-

ния ментального уровня, обсказываемого в том или ином языке рядом слов и выражений, более подходит не термин *концепт*, а термин *концепция* – система представлений о чем-либо. Так, например, система личных местоимений отражает языковое представление концепции субъект-объектного членения универсума и категоризации его в плане лица/персональности. Иными словами, национальная концепция субъект-объектного членения универсума реализуется в местоименной парадигме, где каждая форма соотносима с определенным концептом и отражает как характер концептуализации, так и степень категоризации лица/персональности в языке. Например, приглагольная форма *je* в современном французском языке соотносима с концептом «*говорящий (первый) участник речевой ситуации*», а самостоятельная форма *toi* – с концептом «*тот, кто осознает себя говорящим (первым) участником речевой ситуации*» в силу того, что концептуальная семантическая схема местоимения *toi*, наряду с собой первого лица, содержит сему третьего лица («*этот некто есть я*»), именуемого в психосистематике термином «объективное логическое лицо». Притяжательное местоимение *ton* являет языковое представление концепта «*мыслимое маскулинно принадлежащее тому, кто осознает себя говорящим (первым) участником речевой ситуации*» и т.д. Таким образом, система местоимений первого лица представляет в языке концептуальную подсистему (или «под-концепцию») в концепции субъект-объектного членения универсума. Она, как верно было подмечено большинством представителей отечественной когнитивной лингвистики, имеет полевую структуру, где организующим ядром выступает концепт, структура которого не содержит маргинальных признаков, или содержит их в минимальном количестве.

Следует обратить внимание также на то, что приведенные примеры объясняют, почему *концепт* является единицей, в которой преобразовались и неразрывно срослись вербальные и невербальные смыслы: мышление не может оперировать такими сложными образованиями, какие получаются в результате попыток экспликации концепта. Но оно может оперировать простыми единицами, связанными между собой системой определенных отношений, где значения единиц определяются занимаемой ими позицией. Так, например, использование только одной глагольной формы предполагает быстрое восстановление в памяти всей системы спряжения глагола. Только это делает возможным воссоздать в сознании «архитектурное построение образа времени» (=концепцию), в котором эта конкретная форма обозначает определенный момент (вербализует концепт), «более или менее отстоящий от других в последовательности построения системы» [1].

Главное и принципиальное отличие *понятий* от *концептов* состоит в том, что они (понятия) не имеют связи со структурным аспектом языково-

го знака. Не случайно понятийные категории не имеют в языке специальных знаков для их выражения, в отличие от грамматических категорий, формирование которых завершается закреплением специальной грамматической формы для обозначения определенного грамматического значения [8]. И этим же подтверждается непосредственная связь между концептом и словом (знаком языка).

Что касается природы *концептов*, то они не могут быть априорны в силу постериорности человеческого сознания, оперативными единицами которого они являются. Следовательно, концепты *формируются* в процессе речемыслительной деятельности носителей того или иного языка, но формируются, в отличие от *понятий*, *по преимуществу* естественным путем, т.е. тем же путем, каким рождаются слова. Таким образом, поскольку отношение *слово-концепт* имеет взаимообусловленный характер, концептуальная картина мира и творит язык, и сама творима системой языка в процессе когнитивной деятельности языкового коллектива.

Библиографический список

1. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
2. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
3. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
4. Турбина, О.А. *Концепт* как объект лингвистической науки / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 1. – 137с.
5. Турбина, О.А. Универсальная грамматика в контексте средневековой схоластики / О.А. Турбина // Романская филология. Т.2. – Екатеринбург: УГПИ, 1994. – 111 с.
6. Турбина, О.А. Психосистематика языка и речевой деятельности / О.А. Турбина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 93 с.
7. Турбина, О.А. Язык в концепциях Платона и Аристотеля / О.А.Турбина // Лингвистика. – 1998. – Вып. 4. – С. 15–24.
8. Турбина, О.А. Отношения между языковыми и логическими категориями / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2004. – № 7 (36). – Вып. 1. – С. 4–8.

[К содержанию](#)